

**СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ
В ДОКУМЕНТАХ ИСТОРИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
(О неизданных произведениях А.Р. Иоаннисяна)**

Обращение к предшественникам дает необычайно богатую пищу для размышлений о быстротекущем времени. Не прошло и полвека с момента написания большинства вошедших в рецензируемое издание¹ работ видного советского историка и академика Республики Армения Аггара Рубеновича Р. Иоаннисяна (1909–1991), а их публикация, подготовленная В.А. Погосяном, видится уже памятником эпохи, отделенной (или отделяемой) от современности чуть ли не пропастью. И эта «пропасть» поглотила целую отрасль исторических исследований, в которой подвизался ученый и в которой он трудолюбиво, целеустремленно и эффективно работал всю свою творческую жизнь.

В СССР история домарковского социализма, начиная с подвижнической деятельности первого директора Института Маркса – Энгельса Давида Борисовича Рязанова, оставалась привилегированной отраслью исторического знания, достижениями в которой заслуженно гордились. Творческими и организационными усилиями Вячеслава Петровича Волгина, его учеников и преемников (В.М. Далина, А.Р. Иоаннисяна, Б.Ф. Поршнева, Г.С. Кучеренко и их коллег) она конституировалась в отдельную научную дисциплину. Утвердилось систематическое изучение жизни и творчества целой плеяды социальных мыслителей Нового времени, было предпринято научное издание их сочинений, вышел в свет ряд капитальных монографий. Образовалась солидная научная база, которая нуждается в осмыслении и даль-

---

* Александр Владимирович Гордон, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

¹ Иоаннисян А.Р. Неизданные произведения / Сост., автор предисл. и коммент. В.А. Погосян. Ереван: Гитутюн, 2009. 187 с. Далее ссылки на это издание даются в самом тексте.

нейшей разработке теми, кто пожелает использовать созданный предшественниками фонд знаний².

Разумеется, современный автор не может не учитывать идеологические задачи, которые ставили перед собой советские историки. Из безбрежного океана мечтаний, представлений, мнений, учений, теорий, явленных человечеством от седой древности, выискивались элементы, необходимые для обоснования постулата о «столбовой дороге», которая привела в конечном итоге к торжеству социализма в России. Такая перспектива или, точнее, ретроспектива диктовала особую методологию, в которой стремление к исторической истине сталкивалось с более или менее явственными телеологическими установками.

«Разработка социалистического идеала, – утверждал Б.Ф. Поршнев, – никогда не занимала изолированного, обособленного места в общественной мысли прошлых веков... Но мы, историки, в особенности историки, живущие при социализме, по праву вычленим такую специфическую линию социального мышления»³. Сконструированный по «праву вычленения» предмет истории социалистических идей предполагал введение методологических рамок – жесткого разграничения между «социализмом» и «несоциализмом». Критерием принадлежности к «социализму» становилось неприятие мыслителем частной собственности и признание им превосходства обобществления.

Еще в советское время в исследовательской практике была осознана спорность применения критерия, отбрасывавшего в общий «несоциалистический» массив многообразие эгалитаристских течений, сыгравших очевидную роль в развитии социальной мысли и разработке революционных проектов общественного переустройства во многих странах мира. Тем не менее такие научные авторитеты, как Поршнев и Иоаннисян, до конца продолжали видеть в отмежевании от эгалитаристов главную ценность подхода основателя дисциплины Волгина⁴.

В творчестве и мировоззрении «представителей» социалистических идей высвечивали то, что могло быть признано идейной и духовной предысторией советского общества, остальное трактовалось «ошибками», «утопическими заблуждениями», даже «чертами реакционности»⁵. Изучение творчества социалистических мыслителей

---

² См., например: *Гладышев А.В.* Миры К.-А. Сен-Симона: От Старого порядка к Реставрации. Саратов, 2003.

³ *Поршнев Б.Ф.* В.П. Волгин // Волгин В.П. Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в. М., 1975. С. 5–6.

⁴ См.: *Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С.* Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков. М., 1981. С. 24, 242.

⁵ *Кучеренко Г.С.* Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии. XVI – первая половина XIX в. М., 1981. С. 14.

лей, с горечью констатировал Г.С. Кучеренко, продвигалось в заранее обозначенном фарватере между пригодным («предвосхищения» или «прозрения») и непригодным («заблуждения»)⁶. Тем не менее был поставлен вопрос о воссоздании творчества социалистических мыслителей во всей полноте, без затушевывания «несоциалистических» черт и в «сложном переплетении» утопического коммунизма с другими течениями общественной мысли того времени⁷.

Таким образом, дисциплина с немалыми трудностями развивалась. И – самое существенное – были вполне осознаны перспективы этого развития. Обосновывая «право вычленения», трактуя создание особой истории социалистических идей как «научный подвиг», Поршнев вместе с тем подчеркивал, что «обособить» их – лишь первая часть работы: «История социалистических идей изолировалась только для того, чтобы в конечном счете стало видно, насколько без нее была искажена и непонятна совокупная история общественной мысли»⁸. Следующий этап – возвращение социалистических идей в общий контекст идейной, или, как сейчас принято говорить, «интеллектуальной» истории человечества.

Иоаннисян своими работами способствовал эволюции советской истории социалистических идей в плодотворном направлении. Прежде всего, это касается расширения источниковедческой базы исследований. Судьба ему явно улыбнулась: с начала 1960-х гг. он «получил редкую для советских историков возможность регулярно проводить научные изыскания в архивохранилищах и библиотеках Франции»⁹. Итогом явились 5 монографий, посвященных неизученным или слабо изученным темам истории французской социалистической мысли XVIII–XIX вв. Первую из них, посвященную периоду Французской революции¹⁰, такой историк-эрудит, как Далин, назвал «сплошной цепью находок и открытий»¹¹.

Книга явилась этапной для советской историографии: была представлена «целая галерея» (В.А. Погосян) малоизвестных или даже безвестных социальных мыслителей со своими, извлеченными из пыли древлехранилищ проектами общественного переустройства, буквально по крупицам были воссозданы их биографии. А в резуль-

⁶ Этот вывод проходит красной нитью в монографии Геннадия Семеновича (Там же. С. 14, 35, 38).

⁷ Там же. С. 36.

⁸ Поршнев Б.Ф. Указ. соч. С. 6.

⁹ Погосян В.А. Вместо введения // Иоаннисян А.Р. Неизданные произведения... С. 9.

¹⁰ Иоаннисян А.Р. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966; пер. на франц.: Ioannissian A. Les idées communistes pendant la Révolution française. М., 1984.

¹¹ Далин В.М. Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981. С. 159.

тате необычайно расширилась картина распространения радикально критических идей, которая из-за догматического истолкования фразы Маркса из «Святого семейства» сводилась к *Cercle social* (Фоше, Бонвиль), «бешеным» и Бабефу – Буанарроти, выстроенными в некую восходящую к идее «нового мирового порядка» линию¹².

«А.Р. Иоаннисян первым из историков Французской революции выявил не только важнейшие особенности развития коммунистических идей во Франции в 1789–1794 гг., но и уточнил географию их распространения», – считает В.А. Погосян. Действительно, серьезное расширение темы было налицо, сложнее говорить об ее углублении. Иоаннисяна трудно назвать теоретиком даже в том условном смысле слова, который применим к советскому историознанию. По своей творческой манере он был близок скорее к Я.М. Захеру или В.М. Далину, чем к Волгину и Поршневу. Монография распалась на ряд очерков, или, по любимому слову Далина, «этюдов». В ней нет отчетливой типологии, за что ее резко критиковал (в личной беседе) исследователь *Cercle social* В.С. Алексеев-Попов. Впрочем, злосчастия последнего в поисках «системы» (как он говорил) идей Просвещения – красноречивое свидетельство того, сколь тернист был путь теоретика в советском обществознании.

Нет, историка из Еревана не стоит называть «реформатором». Он редко говорил «в полный голос», как однажды заметил Манфред (С. 166). Но, не афишируя своего расхождения с принятыми установками, Иоаннисян как бы исподволь проводил важнейшее положение о неразрывной связи социалистических и эгалитаристских идей (за что его труд положительно оценили и В.С. Алексеев-Попов, и А.Э. Манфред, и А.В. Адо). Хорошо прослеживается это поступательное продвижение исследовательской мысли в публикуемом докладе Иоаннисяна на советско-французской конференции 1978 г. «Учение Ж.-Ж. Руссо и радикальный эгалитаризм эпохи Великой французской революции».

В советской историографии было канонизировано мнение о «буржуазном» характере Просвещения и соответствующей классовой ограниченности его классиков. Любые «поправки», «уточнения» и т.п. наткнулись на жесткие классовые установки. Тем не менее «борьба за просветителей», за признание надклассового, общецивилизационного значения Просвещения усиливалась по случаю того или иного юбилея и нарастала. Одной из форм преодоления классового «огораживания» сделалось выделение социально-критического направления Просвещения, которому было присвоено понятие «радикальный эгалита-

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 132.

ризм». Но потребовалась еще одна мыслительная операция – устранение методологической перегородки между социализмом, понимаемым как «идеология рабочего класса», и эгалитаризмом, хотя «боевым» и «антифеодальным», но все же принципиально «буржуазным» (или половинчато «мелкобуржуазным»).

Иоаннисян как вдумчивый исследователь последовательно работал над разрушением этой перегородки. Характерно его выступление «в защиту Руссо». Конечно, Руссо не «родоначальник социализма», признавал ученый: типичное утрирование тезиса противной стороны, чтобы в антитезе провести известные компромиссные «поправки» к установленному мнению (таким приемом мастерски владел Манфред). «Доктрина Руссо, – продолжал Иоаннисян отнюдь не носит социалистического характера. Руссо отнюдь не противник частной собственности, как таковой. Но...».

Вот далее, после ритуальных «поклонов», и следует главная часть. «Но учение Руссо побудило в эпоху революции многих идеологов плебейских масс сделать из его основных положений крайние выводы, прийти к радикальному эгалитаризму, обосновывавшему необходимость уравнительного перераспределения всей собственности и полной ликвидации неравенства». Понятно, границу между «полной ликвидацией неравенства» и социализмом можно было провести чисто теоретически, точнее идеологически (для «отмежевания»). Однако Иоаннисян продолжает подготовку к прорыву, рассуждая о «представителях радикального эгалитаризма», которые «подходили уже вплотную к мысли о необходимости полного упразднения частной собственности», о тех, кто «стоял на грани эгалитаризма и коммунизма», и тех, кто «перешел» эту грань (курсив мой. – А.Г.). И вывод: «радикальный эгалитаризм перерастал постепенно в эгалитарный коммунизм» (С. 28–29).

А затем итог, который выглядит уже как бы само собой разумеющимся: «Хотя доктрина Руссо отнюдь не является социалистической и Руссо отнюдь не был прямым родоначальником социализма XIX века (опять ритуальные жесты. – А.Г.), но его учение, содействовавшее в эпоху Французской революции теоретическому обоснованию радикального эгалитаризма, оказало тем самым определенное (еще одна оговорка. – А.Г.) косвенное (замечательная находка! – А.Г.) влияние на развитие французского утопического коммунизма и социализма». В заключение можно, наконец, заявить о «немеркнущих заслугах руссоизма в истории общественной мысли», включая генезис социалистической мысли (С. 30–31).

А вот еще один пример специфики бытования советской науки,

причем в данном случае – сложностей, что возникали внутри самого научного сообщества. «В условиях крайней политизации и идеологизации исторической науки в СССР, советские историки не только в первые послереволюционные десятилетия, но и в 1960-х – 1970-х гг., – пишет В.А. Погосян в биографическом очерке об Иоаннисяне, – крайне остро реагировали на изредка появлявшиеся в отечественной историографии отклонения от общепринятых трактовок отдельных проблем истории Французской революции». Можно добавить: и не только их. Иоаннисян же в борьбе с «отклонениями» выступал поистине «человеком своей эпохи» и «не составлял исключения из общего правила» (В.А. Погосян).

Колоритное свидетельство межличностных отношений, что складывались в специфических условиях борьбы за историческую истину, которая, по определению, должна быть «одна на всех», можно почерпнуть в публикации отзыва Иоаннисяна на статью И.И. Зильберфарба, посвященной социальным взглядам Фурье. Иоаннисян допускает, что могут быть «разногласия», «полемика», «различные оценки». Но «предпосылкой для такой научной дискуссии является правильное и добросовестное изложение самого учения Фурье». Не обнаружив такового, историк обвиняет коллегу в «идеализации и модернизации», в «прямом искажении» и в довершение – в расхождении с основоположниками марксизма (С. 73).

Главным пороком статьи Иоаннисян считает то, что автор, излагая общественный идеал Фурье, «скрывает от читателя его слабые стороны и имеющиеся в нем противоречия», а именно – то, что в фаланстерах сохраняется частная собственность (С. 79). Между тем злополучная статья все же была опубликована в журнале «Вопросы истории» (на что как добросовестный комментатор не преминул указать В.А. Погосян). А через некоторое время увидела свет и монография Зильберфарба¹³. Далин характеризовал последнего как «одного из наиболее преданных энтузиастов исследования истории социалистических идей», посвятившего изучению трудов Фурье «несколько десятилетий упорного труда». Скрупулезный историограф, каким, несомненно, был Виктор Моисеевич, не обошел молчанием расхождение между Зильберфарбом и Волгиным в оценках метафизики Фурье (от чего отталкивался в своей критике Иоаннисян); однако деликатно ограничился формулировкой, что позиция Зильберфарба вызывает

¹³ Зильберфарб И.И. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М., 1964.

«некоторые возражения»¹⁴.

Далин умел пламенно отстаивать свое понимание исторической истины, а его пиетет к Волгину (который являлся для него учителем, как и для Иоаннисяна) был неподдельным. Но Далин специально не занимался Фурье и мог быть беспристрастным. Между тем Иоаннисян еще в 30-х гг. издал монографию о последнем¹⁵, в которой заявленный Зильберфарбом вопрос уже «был поставлен и в значительной мере разрешен» (С. 58). Итак, «разрешен». Между тем в довоенный период существовала иная, более строгая позиция в отношении великих социалистов-утопистов, от которой в 1950-х советские историки начали извлекаться.

Да, признавал Кучеренко, «ни Сен-Симон, ни Фурье не отстаивали принцип «общности имущества», а значит, согласно критерию В.П. Волгина, и не были носителями социалистических идей». Но «основоположники марксизма называли того и другого великими социалистами-утопистами». Как быть? Побеждало, разумеется, мнение основоположников, ведь им в данном случае действительно было гораздо лучше знать, на кого они опирались¹⁶. Так что сформулированное Иоаннисяном в своей критике статьи Зильберфарба положение о необходимости всестороннего подхода, без «идеализации» «слабых сторон», то есть отступлений от социализма было корректным, но затрагивало не лично критикуемого автора, а общую тенденцию и возникавшие перед советской историографией трудноразрешимые проблемы.

Не могу в заключение не сказать несколько слов об издателе рецензируемого здесь сборника работ А.Р. Иоаннисяна Варужане Арамаздовиче Погосяне. Помню Варужана восторженным юношей, с обожанием и преданностью взиравшим на мэтров советского франковедения. Вижу, что, став профессиональным историком, автором многих научных работ, он сохранил эту юношескую преданность. Вдвойне ценно, что его личные чувства и привязанности не были сокрушены тем вихрем переоценки ценностей, что пронесся над страной, что привел к ее разделению государственными границами. Ценю его упорную, кропотливую, действенную, очень нужную работу по сохранению научного наследия – нашего нераздельного наследия, его душевное благородство в культивировании исторической памяти о предшественниках. Рецензируемое издание – убедительное тому подтверждение.

¹⁴ Далин В.М. Указ. соч. С. 161–162.

¹⁵ Иоаннисян А.Р. Генезис общественного идеала Фурье. М., 1939.

¹⁶ Кучеренко выходил из затруднительной ситуации оговаривая, что предложенный Волгиным критерий действителен лишь для XVI–XVIII вв. и «недостаточен для теорий утопического коммунизма и социализма XIX в.» (Кучеренко Г.С. Указ. соч. С. 25–26.).